

А.В. ИГНАТОВА
(г. Челябинск, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Бильжо А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

ПРИРОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КНИГИ А. БИЛЬЖО «МОИ КЛАССИКИ»

Аннотация. В статье изучаются жанрообразующие элементы книги А. Бильжо «Мои классики», исследуются принципы создания художественной целостности на разных уровнях организации произведения, выявляются тенденции современной прозы.

Ключевые слова: современная проза, книга, А. Бильжо «Мои классики».

Андрей Бильжо, врач-психиатр по специальности, известен прежде всего как художник-карикатурист, журналист, публикующий свои работы – «анекдоты в картинках» с комментариями – в ИД «Коммерсант», газете «Известия». Он является членом Союзов художников, журналистов и дизайнеров России, действительным членом Академии графического дизайна, основателем легендарного ресторана «Петрович» и автором серии мультфильмов «Однажды Петрович». А. Бильжо расширяет границы своей деятельности и творчества и создает уникальные книжные проекты, в которых аккумулируется опыт и журналиста, и карикатуриста, и психиатра, и писателя. А. Бильжо органично вписывается в контекст современной литературы, развивающейся в русле постмодернистской эстетики, характеризующейся созданием особого игрового пространства и представляющей прежде всего специфическую форму коммуникации.

Произведения А. Бильжо («Анамнез. Правда о Петровиче» (2007), «Заметки пассажира. 24 вагона с комментариями и рисунками автора» (2010), «Мои классики» (2011) и др.) можно отнести к «жанру-коллажу, основанному на соединении рисунка и текста, литературы и игры, публицистики и художественного письма, письменных и устно-коммуникативных форм» [Пономарева 2006: 308]. Книги А. Бильжо имеют синтетическую, коммуникативную природу, что рассчитано на установление непосредственного контакта с читателем и активное воздействие на него.

А. Бильжо, ориентируясь на особенности восприятия информации современным человеком и на специфику его мышления, преследует цель воздействия на сознание реципиента, избирает клиповый формат книги, которая представляется как единое физическое пространство, раздробленное на фрагменты, связанных формально и концептуально.

Книга А. Бильжо «Мои классики» (2011) состоит из пяти смысловых блоков («Мой Чехов», «Мой Достоевский», «Мой Пушкин», «Мой Тургенев», «Мой Толстой»), предваряет которые авторское предисловие. Каждый из блоков, в свою очередь, также начинается с предисловия автора с посвящением, включает авторские карикатуры, цитаты из произведений классиков, комментарии автора в форме воспоминания или своего рода исторической справки. Такая структура обусловлена спецификой современной литературы в целом, для которой характерны фрагментарность и каталогизация. Интересно, что внутри каждая из пяти частей тоже делится на тематические блоки, однако эти части не имеют названий и не выделяются визуально, а связываются друг с другом ассоциативно. При этом каждый элемент (карикатура, комментарий, цитата) заметно отделен от другого с помощью пустого пространства страницы. Пространственная композиция книги формирует ее смысл.

Произведение «Мои классики» по размеру больше стандартной книги. Это подчеркивает ее статус («для тех, кто учится чему-нибудь») и подзаголовок «Неучебное пособие», ориентирующий на особый способ подачи материала и стиль его изложения. В книге А. Бильжо отсутствует сюжет как ход событий. В первую очередь это связано с тем, что книга «Мои классики» не является собственно литературным произведением. Однако говорить об отсутствии сюжета как такового, безусловно, нельзя. В данной книге сюжет – это последовательность сцен (без действий), объединенных общей идеей и мотивами, что отсылает нас к фрагментарному повествованию, которое в полной мере проявляется в таком популярном жанре современной литературы, как комикс. Но, в отличие от комикса, где нарратив строится в строгом порядке, последовательность эта незакрепленная, каждый отдельный блок можно читать в произвольном порядке и независимо от остальных. Такую композицию в литературоведении принято называть монтажной. Техника монтажа в книге проявляется не только в связях отдельных частей между собой, но и в связях внутри этих частей. Так, например, мы можем выделить неразрывные композиционные целые в каждой части: 1) карикатура и цитата, 2) карикатура и пояснение автора, 3) карикатура, цитата и пояснение автора, например, А. Бильжо цитирует отрывок из пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад»: «*Пищик. Что на торгах? Любовь Андреевна. Продан вишневый сад? Лопухин. Продан. Любовь Андреевна. Кто купил? Лопухин. Я купил*» [Бильжо, 2011: 52]. Далее следует карикатура, описывающая театральное представление, во время которого новые русские в зале говорят: «Слышь, здесь клевый дом с вишневым садом можно взять

даром!» с. Объясняется комический смысл этого единства комментарием автора, в котором он говорит о новых русских, о значении слов «мобила» и «клевый».

Каждое целое мы можем читать также независимо от другого в незакрепленной последовательности. Внутри целого читатель может переставлять элементы книги и читать их в любом порядке. При этом все элементы равнозначны и исключение любого из них из единства влияет на понимание идеи. В исследовании мы выделяем данную композиционную особенность как жанрообразующий фактор книги.

В композиционном построении особый интерес представляет расположение блоков «Мой Чехов», «Мой Достоевский», «Мой Пушкин», «Мой Тургенев», «Мой Толстой». Используя именно такую последовательность, автор не руководствуется хронологией творчества писателей и годами их жизни. Часть «Мой Чехов» становится в книге первой, потому что, как пишет А. Бильжо в предисловии к части, «“Мои классики” начались с тоненькой книжицы “Мой Чехов”» [Бильжо, 2011: 19]. «Мой Чехов» – единственная часть, изданная ранее как отдельная небольшая книга, что касается других частей, то из них издавались в газетах и Интернете только отдельные карикатуры. Блок «Мой Чехов» посвящен культурному состоянию современного общества, а также культурной обстановке в России в конце XX столетия.

Логического, каким-то образом обозначенного перехода от одной части к другой в книге А. Бильжо нет, отделяет части пустое пространство страницы. Однако можно выделить некоторую ассоциативную связь между ними. В части «Мой Чехов» А. Бильжо указывает на узость кругозора многих современных людей, в предисловии же к части «Мой Достоевский» автор говорит о непонимании его карикатур с Раскольниковым современной интеллигенцией, собственно и вся часть посвящена так называемой современной интеллигенции, а в частности «власть имущим питерцам» [Бильжо, 2011: 96]. Прибегая к иронии, А. Бильжо объясняет, почему его «мрачноватые» карикатуры перестали печатать в газете «Известия»: «Действительно, зачем пугать оптимистически настроенную интеллигенцию» [Бильжо, 2011: 97].

Часть «Мой Тургенев» значительно отличается от предыдущих, так как по большей части она представляет собой игру с произведением И.С. Тургенева «Муму». В главу вкрапляются нехудожественные тексты (выступление В.В. Путина), а также фрагменты произведений классиков, не заявленных в содержании (И. Крылова, М. Горького). Также эта часть отличается большим количеством карикатур, не имеющих авторских пояснений, комментариев и специальных цитат.

В главе «Мой Пушкин» образ поэта рассматривается в контексте XXI века. А. Бильжо таким образом обращается к социальным, культурным и политическим проблемам.

«Мой Толстой» является заключительной частью в книге. Л.Н. Толстой становится для А. Бильжо самым значимым автором («В 12 лет я прочел “Детство. Отрочество. Юность”. Эта книга перевернула во мне многое» [Бильжо, 2011: 353]), можно предположить, что именно поэтому автор делает эту главу завершающей. По смыслу и структуре блок «Мой Толстой» схож с блоком «Мой Тургенев»: в обеих частях цитируется полностью одно из произведений писателя («Муму» и «Три медведя»), а также преобладают карикатуры, не сопровождающиеся авторским комментарием, отдельной цитатой, пояснением.

Также в книге можно выделить такую особенность, как наложение временных пластов. «Мой Чехов» – часть, в которой описывается настоящее время, а последняя глава отсылает читателя к детству А. Бильжо. Можно сделать вывод, что автор нарушает традиционную сюжетную структуру и начинает книгу как будто с конца, создавая переход от современного ему, но духовно более далекого пространства в прошлое, в детство, которое, вероятно, будет далеким для читателя, но важным и значимым для автора.

Хронотоп в книге «Мои классики» организуется особым образом. Исследуя пространственно-временную организацию книги, можно выделить такие особенности, как дискретность времени, монтажность, основанную на совмещении разных хронотопических уровней. Примечательно, что такие маркеры пространства, как, например, пейзаж, интерьер в произведении А. Бильжо отсутствуют. Благодаря описанию социальной, культурной и политической обстановки (Д. Медведев, В. Путин, «новые русские»), а иногда собственно авторским указаниям, читатель попадает в пространство России («В нашей стране...» [Бильжо, 2011: 138]), определенного города России («...Это название жители Санкт-Петербурга используют по сей день, на удивление москвичей, которые именуют вход в дом – подъездом» [Бильжо, 2011: 142]), определенного места («К юбилею Ивана Сергеевича Тургенева мне предложили сделать выставку в московской библиотеке, носящей его имя» [Бильжо, 2011: 273]). А. Бильжо, приводя цитату из классического произведения XIX в., помещает ее в настоящее время с помощью комментариев и карикатур. Например, автор цитирует произведение И.С. Тургенева «Муму» и включает в этот контекст карикатуру, в центре которой Герасим и собака, плывущие на лодке. Картинка сопровождается лаконичным текстом – высказы-

ванием Муму: «Лучше бы на “Титанике” поплыл... с Леонардо ди Каприо!» [Бильжо, 2011: 187]. Карикатуру дополняет комментарий автора, поясняющий, кто такой Леонардо ди Каприо и каково отношение к нему: «Девочки, девушки и женщины в него влюблены. Когда он состарится, его будут любить бабушки, которые когда-то были девочками» [Бильжо, 2011: 196].

Также маркером времени в книге становятся посвящения, предшествующие каждой части и отсылающие читателя к авторским воспоминаниям и настоящему времени («Вот я и подумал: а пускай этот раздел будет посвящен Ассу, значительно большему знатоку Толстого, нежели я» [Бильжо, 2011: 19]). Помимо того, что посвящения отражают живые человеческие отношения, в частности автора и его друзей, родных, они еще и задают определенный тон и настроение каждой части. Блок «Мой Чехов», например, посвящен «доброму толстому другу» [Бильжо, 2011: 19] А. Бильжо Андрею Гнатюку. Такая характеристика автора хорошо соотносится с юмористическими рассказами А.П. Чехова и как бы косвенно напоминает об актуальности классики сегодня. В посвящении, предваряющем часть «Мой Достоевский», А. Бильжо раскрывает основную тему – Петербург, правительство Петербурга и интеллигенция. Однако стоит отметить, что посвящена часть Людмиле Великовой, слависту и редактору А. Бильжо. Для описания Петербурга А. Бильжо выбирает образ Ф.М. Достоевского, потому что Петербург был одной из центральных тем творчества классика, и сам он тоже жил в этом городе. Так общее пространство города сплетается с личным пространством автора. Часть «Мой Тургенев» посвящена собаке породы такса А. Бильжо, но важным становится то, что благодаря этому посвящению автор переносит читателя в пространство Москвы. Подчеркивается это пространство и цитатой внутри блока из выступления В.В. Путина, произнесенного в Москве [Бильжо, 2011: 249]. «Мой Пушкин» посвящен матери А. Бильжо. В посвящении автор говорит о значимости А.С. Пушкина в его жизни и описывают старую, но очень ценную книгу А.С. Пушкина в его личной библиотеке. Так, читатель из пространства одной книги переносится в пространство другой, в которой все же воссозданы произведения классиков. В посвящении к части «Мой Толстой» А. Бильжо воссоздает время своего детства, после чего приведенные в блоке карикатуры воспринимаются через призму детского взгляда, что еще больше подчеркивается тем, что А. Бильжо цитирует сказку «Три медведя». Можно предположить, что делает автор это для того, чтобы аллюзии, которые кажутся явными в карикатурах, приобретали больше характер случайного совпадения.

Таким образом, с помощью взаимодействия карикатур, цитат и авторских комментариев пространство России взаимодействует и соотносится с личным пространством автора, что позволяет создать доверительные отношения между А. Бильжо и читателями. Художественное пространство книги соотносится с реальным пространством, благодаря открытому авторскому пространству и комментированию конкретных исторических событий. Также карикатуры разного характера и описание явлений разных исторических явлений способствуют тесному взаимодействию пространства взрослой жизни и детского мира.

Особое значение в книге имеют и образы писателей-классиков, в контексте книги воспринимающихся читателями иначе, чем они представляются в школьной программе. А. Бильжо еще в начале книги говорит о том, как он сам воспринимает писателей, и о том, кому не следует читать его книгу: «Не следует ее читать и смотреть тем, <...> для кого русские классики – великие памятники, а не живые люди» [Бильжо, 2011: 15]. Автор видит в писателях-классиках живых людей, именно поэтому он смело переносит их творения и героев в настоящее время. Безусловно, произведения в определенной мере переосмысливаются А. Бильжо. Особенно интересным в этом плане нам представляется образ Родиона Раскольникова, вписанный в современную культурную и политическую ситуацию. Сохраняя сюжетную канву, которую знает абсолютно каждый, даже не читавший роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, А. Бильжо интерпретирует произведение в контексте современной культурной политической ситуации. Так, Раскольников становится популярным среди молодежи и на телевидении, потому что сегодня именно такую модель поведения пропагандируют современные телешоу. С другой стороны, Родион Раскольников предстает как некий собирательный образ политиков, которые проводят реформы, казалось бы, направленные на улучшение жизни пенсионеров, но на деле выходит все наоборот и они, метафорично выражаясь языком А. Бильжо, убивают их, как Раскольников старуху-процентщицу. Автор объясняет далеко не положительные последствия монетизации льгот для пенсионеров и приводит карикатуру, в которой Раскольников после убийства процентщицы произносит фразу: «А я за монетизацию льгот!» [Бильжо, 2011: 111]. С другой стороны, Родион Раскольников выступает защитником простых граждан, страдающих из-за политиков. На одной из карикатур Раскольников спрашивает, как ему найти Валентину Ивановну Матвиенко. Суть карикатуры становится ясна после прочтения комментария, в котором А. Бильжо рассказывает о том, что В. Матвиенко не следит за состоянием своего города.

Образ классиков в авторском восприятии отражается во взаимодействии цитат их произведений и карикатур А. Бильжо. Выбор цитат автором неслучаен, цитирует он те произведения, которые уже имеют значительную культурную ценность. А. Бильжо не рассказывает читателю о цитируемом произведении, о писателях-классиках, он говорит лишь о том, что значат они для него и для культурного наследия страны. Произведения эти известны даже школьникам и тем, кто их не читал.

Особое значение имеет язык произведения, играющий важную роль для создания образа автора, образа аудитории, образа классиков, а также для создания коммуникативного пространства, игрового и комического эффекта. В книге «Мои классики» высокий стиль соединяется с низким, что является чертой постмодернизма. Так, язык классических произведений соседствует с языком разговорным. Особенно ярко контраст заметен в единстве цитата-комментарий-карикатура. Например, в части «Мой Достоевский» объемной цитате из романа «Преступление и наказание» сопутствует авторский комментарий в разговорном стиле, где такие выражения, как «отмыть бабки», «бабло» [Бильжо, 2011: 138] взяты в кавычки, что не позволяет назвать его высказывания просторечными. Однако парцелляция («Но не уважают», «Умом ее точно не понять»), риторические вопросы («А доллары?»), оценочная лексика («В нашей стране тех, для кого цель жизни – зарабатывать деньги, всегда не очень уважали и не очень уважают») позволяют отнести текст к разговорному стилю. Уже в следующей карикатуре выражение «срубил бабок?» употребляется без кавычек. В данной карикатуре это выражение можно понять как грубое просторечное «заработал деньги?». Однако с другой стороны, в контексте цитируемого произведения и главного персонажа (Родиона Раскольников) выражение приобретает двусмысленность, и понять его можно уже как «убил бабок?». Слово «бабки» в этом случае используется в своем прямом значении (бабушки, старухи) с окраской просторечного стиля. Таким образом, в карикатуре создается комический эффект.

К разговорному стилю относятся и часто употребляемая автором частица «мол»: «Я стал ей объяснять, что, мол, это на картинке медсестра, мол, видите, она в медицинском халате и медицинской шапочке» [Бильжо, 2011: 8]. Также А. Бильжо использует разговорные обороты речи и крылатые просторечные выражения: «Короче говоря, все, чтобы и дураку было понятно» [Бильжо, 2011: 10]. Яркими примерами разговорной речи являются и эпитеты, которые автор применяет к различного рода событиям, персонажам: «продвинутая блондинка»

[Бильжо, 2011: 7], «И тут я ее, как сапер – осторожно, спрашиваю» [Бильжо, 2011: 8], «Так бывает – какая-то дурацкая информация засядет в твоём обычного веса мозге и сидит там, занимая место для информации более важной» [Бильжо, 2011: 169].

Для создания комического эффекта А. Бильжо часто использует афоризмы, обыгрывая прямое значение их элементов. Например, в части «Мой Толстой» одним из цитируемых произведений является сказка «Три медведя». На одной из карикатур Маша произносит фразу «Да здравствуют медвежьи услуги!» [Бильжо, 2011: 380], в которой слово «медвежьи» употреблено в прямом значении. Однако, исходя из ситуации, обрисованной в карикатуре (Маша декламирует эту фразу с трибуны), становится понятно, что имеется в виду афоризм «медвежьи услуги». В части «Мой Чехов» А. Бильжо даёт объяснение фразы «афтар жжот», которая в соответствии с «распространившимся в Рунете в начале XXI века стилем употребления русского языка с фонетически почти верным, но нарочно неправильным написанием слов» [Бильжо, 2011: 26] означает высшую оценку творчества. Рядом приведена карикатура, на которой изображён лежащий на больничной кровати забинтованный человек, произносящий фразу: «Чехов – афтар, который меня жжот!» [Бильжо, 2011: 27]. Так А. Бильжо иронизирует по поводу современного стиля общения в Интернете и при этом показывает своё отношение к А.П. Чехову. В блоке «Мой Достоевский» автор объясняет крылатое выражение, популярное в современной России – «отмыть бабки», «срубить бабки» [Бильжо, 2011: 138]. В следующей карикатуре у Раскольников спрашивают: «Ну что, Родька, срубил бабок?» [Бильжо, 2011: 140]. Выражение «срубил бабок» при этом приобретает двусмысленность, так как Родион Раскольников действительно «срубил бабок» топором, с другой стороны, он «срубил бабки» именно в том переносном смысле, который означает «получил деньги». В части «Мой Тургенев» афоризм «собачья жизнь» приобретает новое значение, когда произносится собакой: «Прости, Герасим, надоела эта собачья жизнь!..» [Бильжо, 2011: 258]. В блоке «Мой Пушкин» А. Бильжо рассказывает об афоризме «а работать за тебя Пушкин будет?», пытаясь отыскать первоисточник этого выражения [Бильжо, 2011: 304]. На следующей за авторским комментарием карикатуре А. Пушкин говорит: «Да поймите вы, не могу я работать за всех...» [Бильжо, 2011: 306]. Таким образом, в речи персонажей афоризм снова приобретает прямое значение своих элементов.

Исходя из анализа книги, можно сделать вывод о том, что в книге А. Бильжо «Мои классики» приемы жанровой и языковой игры, осо-

бенности композиции и архитектоники, визуализация и коммуникативные стратегии представляют собой книгообразующие элементы, моделирующие единое художественное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

- Бильжо А.* Мои классики. – М.: Астрель: CORPUS, 2011.
Пономарева Е.В. Стратегия художественного синтеза в русской новеллистике 1920-х годов: монография. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006.

© Игнатова А.В., 2013